

- [Гилберт Кийт Честертон](#)
  -
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Гилберт Кийт Честертон ЧЕЛОВЕК О ДВУХ БОРОДАХ

Эту историю отец Браун рассказал профессору Крейку, прославленному криминалисту, после обеда в клубе, на котором их представили друг другу как людей с одинаковым безобидным хобби, имеющим прямое отношение к убийствам и грабежам. Поскольку отец Браун значительно преуменьшил свою роль в изложенных ниже событиях, мы излагаем их более беспристрастно. Разговор начался с шутливой перепалки, в которой рассуждения ученого были строго научными, а высказывания священника — весьма скептическими.

— Милостивый государь, — негодовал профессор, — разве вы не считаете криминалистику наукой?

— Я просто не уверен... — отвечал отец Браун. — А вы считаете наукой агиографию?

— Что это такое? — резко спросил профессор.

— Обычно ее путают с географией, — улыбаясь, сказал священник. — Но это — наука о праведниках, о святых. Видите, темный век попытался создать науку о хороших людях, наш же, гуманный и просвещенный, интересуется только людьми плохими. По-моему, опыт показал, что убийцами бывали самые разные люди.

— Ну, мы считаем, что убийц можно неплохо классифицировать, — заметил Крейк. — Список длинный и скучный, но, мне кажется, исчерпывающий. Во-первых, все убийства можно подразделить на сознательные и бессознательные, и сначала мы займемся последними, поскольку они значительно реже встречаются. Существует такая вещь, как мания убийства, тяга к кровопролитию. Существует и бессознательная антипатия, хотя к убийству она приводит крайне редко. Теперь перейдем к убийству с реальными мотивами, но сперва отметим, что некоторые из них не вполне осознанны, другие же — романтичны и окрашены фантазией.

Чистая месть — это месть безнадежная. Влюбленный убивает соперника, которого ему не удалось вытеснить; мятежник убивает тирана после того, как тот победил и поработил его.

Однако подобные действия диктуются и сознательной надеждой, и тогда убийства мы должны причислить к другому обширному разряду: «сознательные преступления». Они, в свою очередь, подразделяются на два

вида. Человек убивает, чтобы украсть или унаследовать то, чем владеет другой, либо предотвратить то или иное действие. Сюда же отнесем убийство шантажиста или политического противника, а также устранение с пути более пассивного препятствия — жены или мужа, которые нам мешают. Мне кажется, это довольно тщательно разработанная классификация, она охватывает все случаи, если ею правильно пользоваться. Боюсь, однако, что она показалась вам очень скучной. Надеюсь, что не слишком утомил вас.

— Нисколько, — возразил отец Браун. — Простите меня, если я слушал несколько рассеянно; дело в том, что я думал о человеке, которого знал когда-то. Он был убийцей, но я не могу определить его место в вашем музее. Он не был ни сумасшедшим, ни монотомом. Он не испытывал ненависти к человеку, которого убил, и, едва зная его, не имел причин для мести. Убитый не обладал ничем, чего мог бы пожелать убийца. Он убийце не мешал и помешать не мог; он не мог даже хоть как-то повлиять на него. В дело не замешана женщина. В дело не замешана политика. Человек убил ближнего, которого фактически не знал, и убил по весьма странной причине. Возможно, это единственный случай на свете.

И отец Браун непринужденно рассказал эту историю.

Пусть она начинается на вполне respectable фоне — за завтраком, в доме достойной, хотя и богатой семьи Бенкс, в тот момент, когда обычное обсуждение газеты прервали толки о таинственном событии в их округе. Таких людей иногда обвиняют в том, что они сплетничают о своих ближних; однако именно о самых ближних они не знают ничего.

Сельские жители рассказывают о своих соседях правдивые и выдуманные истории; но любопытные обитатели современного пригорода верят всему, что говорится в газетах о безнравственности римского Папы или о страданиях царька тихоокеанских островов, и, взволнованные этими сообщениями, совершенно не представляют себе, что происходит в соседнем доме. Однако в данном случае две разновидности сплетен совпали, и от этого совпадения просто дух захватывало. Дело в том, что их пригород упомянули в их любимой газете, и это как бы подтвердило их собственное существование. Можно было подумать, будто до этого они были невидимы и неосвязаемы и только теперь стали так же подлинны, как многострадальный царек.

В газете сообщалось, что некогда знаменитый преступник, известный под именем Майкла Лунатика, а также под множеством других имен, ему не принадлежащих, недавно отбыл длительный срок заключения за многочисленные кражи со взломом. Сообщалось также, что он, по всей

видимости, поселился в пригороде, о котором идет речь и который мы для удобства назовем Чишем. В газете были также перечислены самые известные и дерзкие подвиги и побеги. Надо сказать, что для таких газет, адресованных таким читателям, характерна непоколебимая уверенность в том, что читатели эти начисто лишены памяти. Крестьянин веками помнит Робин Гуда или Роб Роя; клерк вряд ли вспомнит имя преступника, о котором спорил в трамвае и метро два года назад.

Однако грабитель, прозванный Лунатиком, действительно чем-то напоминал о геройских приключениях Роб Роя и Робин Гуда. Он был достоин того, чтобы обратиться в легенду, а не просто в газетные новости. Он был слишком одаренным взломщиком, чтобы стать убийцей. При его огромной физической силе и при той легкости, с которой он сбивал полисменов, как кегли, он никогда никого не убивал, только оглушал людей, связывал их и затыкал им рот; а это внушало страх и окутывало тайной его образ. Казалось даже, что он был бы больше похож на простого смертного, если бы убивал.

Мистер Саймон Бенкс, отец семейства, крепкий человек с седой бородкой и лицом, покрытым морщинами, был начитаннее и старомоднее остальных. Он питал склонность к жизнеописаниям и мемуарам и отчетливо помнил те времена, когда лондонцы лежали по ночам, прислушиваясь к шагам Майкла, как они прислушиваются теперь к шагам Джека Быстроногого. Была здесь и его жена, худая смуглая дама, одетая с какой-то язвительной элегантностью. Ее семья могла похвастать гораздо большим состоянием, чем семья мужа (хотя и гораздо меньшим образованием), и сама она владела дорогим изумрудным ожерельем, хранившимся наверху, что давало ей право на ведущую роль в разговоре о ворах. Была здесь и дочь по имени Опал, тоже худая и смуглая, но одаренная духовидением; во всяком случае, она сама так считала, родные же ее не особенно поддерживали.

Пламенно-потусторонним душам благоразумнее не материализоваться в большой семье. Был здесь и брат ее Джон, рослый молодой человек, который особенно шумно демонстрировал полное безразличие к общению с духами. Не считая этого, его интересовали только автомобили. Создавалось впечатление, будто он вечно продает одну машину и покупает другую, причем по какому-то закону, который вряд ли смог бы объяснить ученый-экономист, всегда ухитрялся купить гораздо лучший автомобиль, продав поврежденный или устаревший. Был здесь и другой брат, Филип, молодой человек с темными волнистыми волосами, отличавшийся повышенным вниманием к своему туалету. Несомненно, это входит в число

обязанностей биржевого клерка; однако, как порой намекал его хозяин, они этим не ограничиваются. И, наконец, за столом сидел его друг Дэниел Девайн, тоже темноволосый и изысканно одетый, но с бородкой, подстриженной по иностранной моде и потому внушавшей легкое опасение.

Именно Девайн завел разговор о газетной статье, тактично прибегнув к столь действенному способу, чтобы предотвратить семейную ссору, назревавшую из-за того, что юная духовидица начала описывать бледные лица, проплывавшие в ночи у нее за окном, а Джон Бенкс еще более бурно, чем обычно, откликнулся на это откровение потустороннего мира.

Упоминание о новом и, возможно, небезопасном соседстве довольно быстро отвлекло обоих спорщиков.

— Какой ужас! — воскликнула миссис Бенкс. — Наверно, он совсем недавно приехал. Кто бы это мог быть?

— Я не припомню, чтобы кто-нибудь приехал совсем недавно, — отозвался ее муж, — разве что сэр Леопольд Пулмен в Бичвуд-Хаусе.

— Мой дорогой, — отвечала жена, — какие нелепости ты говоришь! Сэр Леопольд!.. — Она помолчала и добавила: — Вот если бы кто-нибудь сказал, что это его секретарь — тот, с бакенбардами... Я всегда говорила, с тех пор, как его взяли на место, которое должен был получить Филип...

— Ничего не поделаешь, — томно сказал Филип, единственный раз вступивший в беседу. — Да и место так себе.

— Единственный, кого я знаю, — заметил Девайн, — это человек по фамилии Карвер, который поселился на ферме у Смита. Он ведет спокойную жизнь, но с ним интересно побеседовать. Кажется, у Джона были с ним какие-то дела.

— Немного разбирается в автомобилях, — признал одержимый одной страстью Джон. — Будет разбираться еще лучше, когда прокатится в моей новой машине.

Девайн слегка улыбнулся — все уже побывали под этой угрозой — и заметил:

— Вот странно! Он хорошо разбирается в автомобильном спорте, в путешествиях, вообще — в живых занятиях, а сам вечно сидит дома и возится с ульями старого Смита. Говорит, он интересуется только пчелами, потому и живет на пасеке. Мне кажется, это слишком спокойное хобби для такого человека. Однако не сомневаюсь, что твоя машина немного встряхнет его.

Когда в тот вечер Девайн возвращался от Бенксов, его смуглое лицо выражало сосредоточенное раздумье. Возможно, эти мысли и заслуживают

нашего внимания, однако отметим лишь, что под их влиянием он решил нанести безотлагательный визит мистеру Карверу, жившему у мистера Смита. Идя в этом направлении, он встретил Бернарда, долгового секретаря из Бичвуд-Хауса, с большими бакенбардами, которые миссис Бенкс воспринимала как личное оскорбление. Молодые люди были едва знакомы, беседа была краткой и случайной; однако Девайн, по-видимому, почерпнул в ней пищу для дальнейших размышлений.

— Простите, что я спрашиваю, — неожиданно сказал он, — но правда ли, что у леди Пулмен есть какие-то знаменитые драгоценности? Я не профессиональный вор, но я как раз слышал, что тут один околачивается.

— Я предупрежу, чтобы она за ними присмотрела, — ответил секретарь. — По правде говоря, я уже позволил себе предостеречь ее. Надеюсь, что она позаботится о них.

В этот момент позади раздался кошмарный вой автомобильной сирены, и около них остановилась машина, за рулем которой восседал сияющий Джон Бенкс. Когда он услышал, куда направляется Девайн, он заметил, что ехал туда же, однако, судя по его тону, он просто не мог отказать себе в удовольствии и должен был подвести кого-нибудь. Пока они ехали, он непрерывно хвалил машину, главным образом за то, что ее можно приспособить к любой погоде.

— Закрывается плотно, как коробка, — говорил он, — а открывается легко — ну, скажем, как рот.

Однако в данный момент рот Девайна не так уж легко открывался, и они подъехали к ферме Смита под неумолчный монолог. Пройдя через ворота, Девайн сразу же нашел того, кого искал. По саду, заложив руки в карманы, прогуливался длиннолицый человек с крупным подбородком, в большой мягкой соломенной шляпе. Тень, падавшая от ее широких полей на верхнюю часть лица, слегка походила на маску. На заднем плане виднелся ряд освещенных солнцем ульев, вдоль которых прохаживался другой человек, плотный, по-видимому, мистер Смит, и еще один, низенький, неприметный, в черном одеянии священника.

— Послушайте! — вскричал неугомонный Джон, не дав Девайну поздороваться. — Я пригнал ее, чтобы вас прокатить. Вот увидите, она лучше, чем «молния»!

Губы мистера Карвера сложились в улыбку, которая, по-видимому, была любезной, но выглядела довольно мрачно.

— Боюсь, что сегодня вечером мне не до развлечений, хлопот по горло.

— «Как хлопотливая пчела», — продекламировал Девайн. — Должно

быть, ваши пчелы очень хлопотливы, раз они не отпускают вас весь вечер. А вот скажите мне...

— Да? — произнес Карвер с каким-то холодным вызовом.

— Говорят, что надо косить сено, пока солнце светит, — продолжал Девайн. — Может быть, вы собираете мед, пока светит луна?

В тени широкополой шляпы что-то сверкнуло — должно быть, глаза Карвера.

— Может, тут и не обходится без лунного света, — промолвил он, — но помните, мои пчелы не только дают мед — они жалят.

— Так вы поедете на машине? — нетерпеливо спросил переминавшийся с ноги на ногу Джон. Но хотя в Карвере не осталось и тени зловещей многозначительности, окрасившей ответы Девайну, он вежливо, но решительно отказался.

— По-видимому, я не смогу поехать, — ответил он. — Надо написать много писем. Может быть, вы будете так любезны прокатить кого-нибудь из моих друзей, если уж вам нужен компаньон. Это мистер Смит и отец Браун.

— Конечно! — воскликнул Бенкс. — Пускай все едут!

— Большое спасибо, — ответил отец Браун. — Боюсь, что я не смогу: через несколько минут мне надо уходить.

— Тогда возьмите Смита, — сказал Карвер почти нетерпеливо. — Смотрите, он жаждет прокатиться.

Смит широко ухмылялся и, по всей видимости, не жаждал ничего. Это был деятельный маленький старичок в очень откровенном парике — одном из тех париков, которые ничуть не более естественны, чем шляпа. Желтый оттенок искусственных волос не вязался с бледностью лица.

— Помню, — сказал Смит с каким-то благодушным упрямством, — ехал я по этой дороге десять лет назад в одной из таких штук. Возвращался от сестры, из Холмгейта, а с тех пор ни разу не ездил тут на машине. Ну и тряска была, скажу я вам!

— Десять лет назад! — насмешливо воскликнул Джон. — Две тысячи лет назад ездили в повозках, запряженных волами. Вы думаете, автомобили не изменились за десять лет?

А дороги? В моей машине даже не чувствуешь, как вращаются колеса. Кажется, что летишь по воздуху.

— Я уверен, что Смит очень хочет полетать, — сказал Карвер. — Это мечта его жизни. Поезжайте в Холмгейт, Смит, навестите сестру. Да вы просто обязаны с ней повидаться! Поезжайте и оставайтесь там на ночь, если хотите.

— Ну, обычно я добираюсь пешком и потому остаюсь ночевать, —

сказал старый Смит. — Не стоит из-за этого затруднять молодого человека.

— Вы только представьте себе, как обрадуется ваша сестра, если вы прикатите на машине! — воскликнул Карвер. — В самом деле, надо поехать. Не будьте таким эгоистом.

— Вот именно, — с бодрой благожелательностью подхватил Бенкс. — Не будьте таким эгоистом. Машина вас не укусит. Вы же не боитесь ее, а?

— Ну что ж, — сказал Смит, задумчиво моргая. — Я не хочу быть эгоистом и думаю, что не боюсь.

И они отъехали вдвоем под приветственные взмахи и возгласы, благодаря которым маленькая группа казалась целой толпой. Однако и Девайн, и священник, присоединившиеся к этой церемонии из вежливости, почувствовали, что именно выразительный жест пасечника придал ей законченный характер. И им показалось, что он умеет себе подчинить; что ему трудно противиться.

Когда автомобиль скрылся из виду, Карвер повернулся к ним и порывисто, как бы извиняясь, промолвил:

— Ну вот! — Он произнес это с той занятой сердечностью, которая являет оборотную сторону гостеприимства.

Такое радушие равносильно намеку на то, что пора и честь знать.

— Мне надо идти, — сказал Девайн. — Не будем мешать хлопотливой пчеле. К сожалению, я очень мало знаю о пчелах — порой с трудом отличаю пчелу от осы.

— Я разводил и ос, — ответил таинственный Карвер.

Когда гости прошли по улице несколько ярдов, Девайн, сам не зная почему, обратился к своему спутнику:

— Довольно странная сцена, вам не кажется?

— Да, — ответил отец Браун. — А вам что кажется?

Девайн взглянул на низенького человека в черном, и в его больших серых глазах вновь что-то сверкнуло.

— Мне кажется, — сказал он, — что Карвер всеми силами старался остаться сегодня вечером один в доме. А у вас подозрения не возникли?

— Возможно, и возникли, — ответил священник, — но я не уверен, что они совпадают с вашими.

Когда в тот вечер в саду, окружавшем особняк, совсем сгустились сумерки, Опал Бенкс бродила по темным пустым комнатам еще отрешенней, чем всегда. Если бы кто-нибудь взглянул на нее внимательно, то заметил бы, что ее обычная бледность усилилась. Несмотря на буржуазную роскошь дома, от него веяло унынием, той безотчетной грустью, которую вызывают не старинные, а старые вещи. В доме царили

устаревшие моды, а не исторические стили; он был полон предметов настолько недавнего рисунка, что сразу видно было, как они старомодны. То здесь, то там в сумерках поблескивало цветное стекло; комнаты казались узкими из-за высоких потолков, а в конце гостиной, по которой она проходила, было одно из тех круглых окон, которые встречаются в зданиях этой поры. Дойдя примерно до середины комнаты, Опал остановилась и слегка покачнулась, как будто ее ударила по лицу невидимая рука.

Через минуту раздался стук в парадную дверь, приглушенный вторыми, закрытыми дверями. Она знала, что домочадцы на втором этаже, но вряд ли смогла бы объяснить, что побудило ее открыть дверь самой. На пороге стоял приземистый обтрепанный человек, в котором она узнала католического священника по фамилии Браун. Она не была с ним близко знакома, но он ей нравился. Он ничуть не поддерживал ее точку зрения на духов, но он не отмахивался и не смеялся, а серьезно с ней спорил. Можно сказать, что он сочувствовал ее взглядам, но не соглашался с ними. Все эти мысли пронеслись у нее в голове, когда она сказала, не поздоровавшись и не выслушав его самого:

— Как хорошо, что вы пришли! Я видела привидение.

— Не стоит расстраиваться, — ответил он. — Это часто бывает. Большинство привидений — вовсе и не привидения, а те немногие, которые, возможно, и подлинны, совершенно безобидны. Ваше привидение какое-нибудь особенное?

— Нет, — сказала она, и ей стало легче. — Дело не столько в нем самом... Понимаете, атмосфера была очень страшная... как будто все разлагается, гниет. Я увидела лицо в окне. Бледное, с выпученными глазами, совсем как у Иуды.

— Ну что ж, бывают люди с такой внешностью, — задумчиво произнес священник, — и иногда они заглядывают в окна. Можно мне посмотреть, где это произошло?

Однако когда она вернулась в комнату, там уже собрались другие члены семейства, которые, будучи менее склонны к общению с духами, зажгли свет. В присутствии миссис Бенкс отец Браун вспомнил об общепринятых условностях и извинился за вторжение.

— Боюсь, что слишком бесцеремонно ворвался в ваш дом, миссис Бенкс, — сказал он. — Мне очень трудно объяснить, каким образом то, что произошло, касается вас. Я только что был у Пулменов, и вдруг мне позвонили и попросили прийти сюда, чтобы встретиться с человеком, который должен сообщить вам новость, возможно, для вас интересную. Я бы не пришел сюда, если бы не был нужен как свидетель событий в

Бичвуд-Хаусе. Фактически именно мне пришлось поднять тревогу.

— Что случилось? — спросила хозяйка.

— Бичвуд-Хаус ограбили, — серьезно сказал отец Браун. — Что хуже всего, исчезли драгоценности леди Пулмен, а ее несчастный секретарь, мистер Бернارد, найден в саду.

Очевидно, его застрелил убегающий взломщик.

— Это тот человек! — воскликнула хозяйка. — Наверно, он... — Тут она встретила печальный взгляд священника и замолчала, сама не понимая почему.

— Я связался с полицией, — продолжал он, — и с другими властями, для которых это дело представляет интерес. Они говорят, даже при первом осмотре удалось обнаружить следы и отпечатки пальцев и другие приметы известного преступника.

В этот момент беседу на минуту прервало появление Джона Бенкса, вернувшегося после неудавшейся поездки.

— Судя по всему... старый Смит оказался неважным пассажиром.

— Струсил в последнюю минуту, — объяснил он с негодованием. — Удрал, пока я осматривал проколотую шину. В жизни больше не свяжусь с этими деревенскими простофилями...

Но жалобам не вняли, ибо в центре внимания был отец Браун и его новость.

— Сейчас явится человек, который снимет с меня ответственность, — продолжал священник все с той же значительной сдержанностью. — Когда вы встретитесь с ним, мой долг свидетеля будет выполнен. Мне остается сказать, что служанка в Бичвуд-Хаусе видела лицо в одном из окон.

— Я видела лицо в одном из наших окон, — сказала Опал.

— А, ты вечно видишь лица, — обрезал ее брат Джон.

— Не так уж плохо видеть факты, даже если это лица, — спокойно сказал отец Браун. — Я полагаю, что лицо, которое вы видели...

Снова раздался стук в парадную дверь, и через минуту на пороге появился человек, при виде которого Девайн привстал со стула.

Он был высокий, прямой, с длинным бледным лицом и тяжелым подбородком. Огромный лоб и живые синие глаза Девайн плохо разглядел днем из-за широкополой соломенной шляпы.

— Прошу вас, не вставайте, — отчетливо и учтиво произнес Карвер, но во взбудораженном мозгу Девайна эта учтивость обрела злое сродство с учтивостью бандита, направившего на вас пистолет.

— Сядьте, пожалуйста, мистер Девайн, — сказал Карвер, — и, с позволения миссис Бенкс, я последую вашему примеру. Я должен

объяснить свой приход. По-видимому, вы подозревали, что я — знаменитый взломщик.

— Подозревал, — мрачно ответил Девайн.

— Как вы правильно заметили, — сказал Карвер, — не всегда легко отличить осу от пчелы.

После паузы он продолжал:

— Что до меня, я — одно из более полезных, хотя и в равной степени несносных насекомых. Я сыщик и сюда пришел, чтобы выяснить, не возобновил ли свою деятельность преступник, именуемый себя Майклом Лунатиком. Он специализировался на краже драгоценностей, а сейчас обокрали Бичвуд-Хаус, и, судя по анализам, это его работа. Дело не только в отпечатках пальцев, но и в маскировке — той самой, которой он пользовался, когда был арестован последний раз, а также, по-видимому, и в других случаях. Вы, наверно, слышали об этой простой, но удачной выдумке: он надевал рыжую бороду и большие очки в роговой оправе.

Опал Бенкс в ужасе рванулась вперед.

— Это оно! — вскричала она. — Это лицо, которое я видела! Большие очки, рыжая косматая борода, как у Иуды. Я думала, что это привидение.

— Такое же самое привидение видела и служанка в Бичвуд-Хаусе, — сухо сказал Карвер.

Он положил какие-то бумаги и свертки на стол и начал их бережно разворачивать.

— Как я сказал, — продолжал он, — меня прислали сюда для того, чтобы разузнать о преступных планах Майкла Лунатика. Вот почему я заинтересовался пчелами и поселился у мистера Смита.

Воцарилось молчание, и затем Девайн промолвил:

— Вы действительно хотите сказать, что этот милый старичок...

— Считали же вы, мистер Девайн, — улыбнулся Карвер, — что улей моя ширма. Почему бы и ему не выбрать такую?

Девайн мрачно кивнул, и сыщик склонился к своим бумагам.

— Я подозревал Смита и хотел без него осмотреть его вещи. Поэтому я поддержал любезное предложение Бенкса.

Обыскивая дом, я обнаружил кое-какие любопытные предметы, которые странно видеть в доме престарелого сельского жителя, интересующегося только пчелами. Вот один из них.

Из развернутого пакета он извлек волосатый предмет почти алого цвета — такие бутафорские бороды носят в любительских спектаклях. Рядом с ней лежали тяжелые очки в роговой оправе.

Но я наткнулся на одну вещь, которая имеет более непосредственное

отношение к этому дому и оправдывает мое сегодняшнее вторжение. Это записка. В ней указаны названия и предположительная стоимость драгоценностей, владельцы которых живут в вашей местности. Сразу же после тиары леди Пулмен стоит изумрудное ожерелье миссис Бенкс.

Миссис Бенкс, которая до сих пор созерцала нашествие посетителей в надменном замешательстве, при этих словах насторожилась. Ее лицо сразу постарело лет на десять и стало гораздо осмысленнее. Но не успела она вымолвить и слова, как Джон стремительно поднялся во весь рост.

— Тиара уже пропала! — взревел он, как слон. — А ожерелье? Посмотрим, что с ожерельем!

— Неплохая мысль, — сказал Карвер, когда тот ринулся из комнаты. — Хотя мы, разумеется, держим ухо востро. Я не сразу расшифровал записку, и когда я заканчивал, позвонил Браун из Бичвуд-Хауса. Я попросил его поспешить сюда и сказать, что последую за ним, а...

Его речь была прервана воплем. Поднимаясь со стула, Опал указывала на круглое окно.

— Вот он, опять! — кричала она.

На какое-то мгновение всем им представилась картина, снявшая с мисс Опал обвинения во лжи и истерии, часто возводившиеся на нее. Лицо, вынырнувшее из синей мглы за окном, было бледным или, возможно, побледнело из-за того, что оно прижалось к стеклу, а большие пристальные глаза, окруженные кольцами, придавали ему сходство с рыбой, заглядывающей из темно-синего моря в иллюминатор корабля. Жабры или плавники этой рыбы были медно-красными. В следующую секунду лицо исчезло.

Девайн одним махом очутился у окна, и тут раздался истошный крик, покачнувший весь дом. Он был настолько оглушителен, что слова слились воедино; однако, услышав его, Девайн понял, что случилось.

— Ожерелье исчезло, — заорал, появившись в дверях, запыхавшийся Джон Бенкс и тотчас исчез сам, рванувшись, как идущий по следу пес.

— Вор только что был у окна! — крикнул сыщик, устремившись в сад за неистовым Джоном.

— Будь осторожен! — причитала хозяйка. — У них пистолеты!..

— У меня тоже, — прогремел голос неустрашимого Джона из темных глубин сада.

Девайн заметил, когда молодой человек пробежал мимо него, что тот вызывающе размахивает револьвером, и от всего сердца пожелал, чтобы это оружие не пришлось пустить в ход. Не успел он это подумать, как раздались два выстрела, вспугнувшие бешеную стаю отзвуков в тихом

пригородном саду.

— Джон умер? — спросила Опал дрожащим голосом.

Отец Браун, который продвинулся дальше в темноту и стоял к ним спиной, глядя вниз, ответил ей:

— Нет, это другой.

К нему подошел Карвер, и какое-то время два человека, высокий и низенький, заслоняли картину, освещенную мерцающим и тревожным светом луны. Когда они отошли в сторону, все увидели маленькую сухую фигурку, которая лежала, выгнувшись как бы в последнем усилии. Фальшивая красная борода торчала вверх, насмешливо указуя в небо, а лунный свет играл в больших бутафорских очках человека, которого прозвали Лунатиком.

— Какой конец... — бормотал сыщик Карвер. — После всех его приключений застрелили в пригородном саду, чуть ли не случайно, и кто? Биржевой маклер! Маклер, естественно, относился к своей победе с большей торжественностью, хотя и с некоторым беспокойством.

— Ничего не поделаешь... — проговорил он, все еще дыша с трудом. — Мне очень жаль. Он стрелял в меня.

— Конечно, будет следствие, — мрачно сказал Карвер. — Но полагаю, вам не о чем беспокоиться. В пистолете, выпавшем у него из рук, не хватает одного патрона; конечно, он не мог стрелять после вас.

К этому времени они снова собрались в комнате, и сыщик сворачивал свои бумаги, готовясь уйти. Отец Браун стоял напротив него, глядя на стол в мрачном раздумье. Затем он внезапно заговорил:

— Мистер Карвер, вы блестяще распутали это сложное дело. Я, признаться, догадывался о ваших занятиях, но не ожидал, что вы так быстро все свяжете — пчел, и бороду, и очки, и шифр, и ожерелье, словом — все.

— Всегда испытываешь удовлетворение, когда доводишь дело до конца, — сказал Карвер.

— Да, — отозвался отец Браун, все еще созерцая стол. — Я просто восхищен. — И добавил смиренно, почти испуганно: — Справедливости ради надо сказать, что я не верю ни единому слову.

Девайн наклонился вперед, неожиданно заинтересовавшись:

— Вы не верите, что это взломщик Лунатик?

— Я знаю, что он взломщик, но этого ограбления он не совершал, — отвечал отец Браун. — Я знаю, что он не приходил ни сюда, ни в тот большой особняк, чтобы похитить драгоценности и умереть. Где драгоценности?

— Там, где они обычно бывают в таких случаях, — ответил Карвер. — Он или спрятал их, или передал сообщнику.

Это ограбление совершено не одним человеком. Разумеется, мои люди обыскивают сад...

— Может быть, — предположила миссис Бенкс, — сообщник украл ожерелье, когда он заглядывал в окно?

— А почему он заглядывал в окно? — спокойно спросил отец Браун. — Зачем ему понадобилось заглядывать в окно?

— Ну, а вы как считаете? — бодро воскликнул Джон.

— Я считаю, — сказал отец Браун, — что ему вовсе и не понадобилось заглядывать в это окно.

— Тогда почему он заглянул? — спросил Карвер. — Какой смысл в таких голословных утверждениях? Все это разыгрывалось на наших глазах.

— На моих глазах разыгрывалось много вещей, в которые я не верил, — ответил священник. — Как и на ваших — в театре, например.

— Отец Браун, — проговорил Девайн, и в голосе его послышалось почтение, — не расскажете ли вы нам, почему вы не верите собственным глазам?

— Попытаюсь рассказать, — мягко ответил священник. — Вы знаете, кто я такой и кто мы такие. Мы не очень надоедаем вам. Мы стараемся быть друзьями всем нашим ближним. Но не думайте, что мы ничего не делаем. Не думайте, что мы ничего не знаем. Мы не вмешиваемся в чужие дела, но мы знаем тех, кто нас окружает. Я очень хорошо знал покойного — я был его духовником и другом. Когда сегодня он отъезжал от своего сада, я видел его душу так ясно, насколько это дано человеку, и душа его была, как стеклянный улей, полный золотых пчел. Сказать, что его перерождение искренне, — значит не сказать ничего. Это был один из тех великих грешников, чье раскаяние приносит лучшие плоды, чем добродетель многих других. Я сказал, что был его духовником, однако на самом деле это я ходил к нему за утешением. Общество такого хорошего человека приносило мне пользу. И когда я увидел, как он лежит в саду мертвый, мне послышалось, что над ним звучат удивительные слова, произнесенные давным-давно. И они действительно могли бы прозвучать, ибо, если когда-нибудь человек попадал прямо на небо, это был он.

— А, черт, — нетерпеливо сказал Джон Бенкс. — В конце концов он всего-навсего осужденный вор.

— Да, — ответил отец Браун, — и в этом мире только осужденный вор услышал: «Ныне же будешь со Мною в раю»^[1].

Все почувствовали себя неловко в наступившей тишине, и Девайн

резко сказал:

— Как же вы объясните все это?

Священник покачал головой.

— Пока я еще не могу объяснить, — ответил он просто. — Я заметил несколько странностей, но они мне неясны. У меня еще нет никаких доказательств, я просто знаю, что он невиновен. Но я абсолютно уверен в своей правоте.

Он вздохнул и протянул руку за большой черной шляпой. Взяв ее, он остановился, по-новому глядя на стол и склонив набок круглую голову. Можно было подумать, что из его шляпы, как из шляпы фокусника, выскочило диковинное животное. Но другие не увидели на столе ничего, кроме документов сыщика, безвкусной бутафорской бороды и очков.

— Боже мой! — пробормотал отец Браун. — Ведь он лежит мертвый, в бороде и очках!

Вдруг он повернулся к Девайну:

— Вот за что можно ухватиться, если хотите! Почему у него две бороды?

И он торопливо и, как всегда, неловко вышел из комнаты. Девайн, которого теперь съедало любопытство, последовал за ним в сад.

— Сейчас я еще не могу вам ничего сказать, — говорил отец Браун. — Я не уверен и не знаю, что делать. Заходите ко мне завтра, и, может быть, я вам все расскажу. Возможно, все уляжется у меня в голове. Вы слышали шум?

— Это автомобиль, — отвечал Девайн.

— Автомобиль Джона Бенкса, — сказал священник. — Наверно, он очень быстро ездит?

— Во всяком случае, он так думает, — ответил Девайн, улыбаясь.

— Сегодня он будет ехать быстро и уедет далеко, — заметил Браун.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил его собеседник.

— Я хочу сказать, что он не вернется, — отвечал священник. — Из моих слов ему стало ясно, что я что-то знаю.

Джон Бенкс уехал, а вместе с ним — изумруды и все драгоценности.

На следующий день Девайн застал отца Брауна, когда тот печально, но умиротворенно прогуливался взад и вперед перед рядом ульев.

— Я заговариваю пчел, — сказал он, — Видите ли, кто-то должен заговаривать пчел, «поющих зодчих этих крыш златых».^[2] Какая строка! — и он прибавил отрывисто: — Его бы огорчило, если бы пчелы остались без присмотра.

— Полагаю, его бы огорчило, если бы на людей не обращали никакого

внимания, когда они всем роем гудят от любопытства, — сказал молодой человек. — Вы были правы, Бенкс уехал, прихватив драгоценности. Но я не представляю себе, как вы догадались и о чем вообще можно было догадаться.

Отец Браун благожелательно прищурился на улы и сказал:

— Бывает, как будто спотыкаешься обо что-то, а в этом деле с самого начала был камень преткновения. Меня озадачило, что в Бичвуд-Хаусе застрелили бедного Бернарда.

Ведь даже когда Майкл был профессиональным преступником, для него было вопросом чести, даже вопросом тщеславия никого не убивать. Мне показалось невероятным, чтобы теперь, почти святым, он совершил грех, который презирал грешником. Над всем остальным я ломал голову до самого конца. Я ничего не мог понять, кроме одного — все это неправда. Затем, с некоторым опозданием, меня осенило, когда я увидел бороду и очки и вспомнил, что вор явился с другой бородой и в других очках. Конечно, у него могли быть запасные, однако по меньшей мере странно, что он не надел ни старые очки, ни старую бороду, которые были в хорошем состоянии. Правда, не исключено, что он вышел без них и ему пришлось доставать новые; но это маловероятно. Ничто не заставляло его ехать с Бенксом; если он действительно собирался совершить ограбление, он легко мог уместить эти принадлежности в кармане. К тому же бороды не растут на деревьях. Ему было бы нелегко быстро их раздобыть. Словом, чем больше я думал об этом, тем больше чувствовал: что-то нечисто с этой новенькой бородой. И тогда до моего сознания начала доходить та истина, которую я уже чувствовал. У него и в мыслях не было уезжать с Бенксом. Он и не думал надевать личину. Кто-то другой заранее смастерил ее и потом надел на него.

— Надел на него! — повторил Девайн. — Как же это удалось?

— Вернемся назад, — сказал отец Браун, — и взглянем на вещи через окно, в котором девушка увидела привидение.

— Привидение! — повторил другой, слегка вздрогнув..

— Она назвала его привидением, — спокойно сказал маленький человек, — и, возможно, она не так уж заблуждалась. Она действительно ощущает духовные вещи. Ее единственное заблуждение в том, что она связывает это со спиритизмом. Некоторые животные чуют мертвецов... Во всяком случае, у нее болезненная чуткость, и она не ошиблась, почувствовав, что лицо в окне окружено ореолом смерти.

— Вы имеете в виду... — начал Девайн.

— Я имею в виду, что в окно заглядывал мертвец, — ответил отец

Браун. — Мертвец бродил вокруг домов и заглядывал не в одно окно. Правда, мороз по коже подирает? Однако это было привидение наоборот: не гротеск души, освобожденной от тела, а гротеск тела, освобожденного от души.

Он снова прищурился на улы и продолжал:

— Наверное, проще и короче всего взглянуть на вещи глазами человека, который все и сделал. Вы знаете его. Это Джон Бенкс.

— Вот уж кого я заподозрил бы в последнюю очередь, — сказал Девайн.

— Я заподозрил его в первую очередь, — возразил отец Браун, — насколько я вообще вправе подозревать человека.

Мой друг, нет хороших или плохих социальных типов и профессий. Любой человек может стать убийцей, как бедный Джон, и любой человек, даже тот же самый, может стать святым, как бедный Майкл. Но есть один социальный тип, представители которого иногда бывают безнравственней, чем другие, и это — довольно неприятный класс дельцов. У них нет социального идеала, не говоря уже о вере; у них нет ни традиций джентльмена, ни классовой чести тред-юниониста. Когда он хвастал выгодными сделками, он ведь хвастал тем, что надул людей. Его насмешки над жалким спиритизмом сестры были отвратительны. Конечно, ее мистицизм — абсолютная чушь, но он не выносил разговоров о духах только потому, что это разговоры о духовном. Во всяком случае, он был театральным злодеем, которого привлекало участие в весьма оригинальной и мрачной постановке.

Действительно ново и совершенно необычно использовать труп в качестве реквизита — что-то вроде ужасной куклы или манекена. Когда они ехали, он решил убить Майкла в машине, а потом привезти его домой и притвориться, будто убил его в саду. А фантастические завершающие штрихи возникали у него в мозгу при мысли о том, что у него, в закрытой машине, ночью находится мертвое тело известного взломщика, которого легко можно узнать. Он мог оставить отпечатки его пальцев и следы, мог прислонить знакомое лицо к окну и убрать его. Вспомните, что Майкл «появился» и «исчез», когда Бенкс вышел из комнаты посмотреть, на месте ли изумрудное ожерелье.

И наконец ему осталось только швырнуть труп на лужайку и выстрелить из обоих пистолетов. Никогда бы никто ничего не обнаружил, если бы не две бороды.

— Почему ваш друг Майкл хранил старую бороду? — задумчиво спросил Девайн. — Это кажется мне подозрительным.

— Мне это кажется естественным, — ответил отец Браун. — Все его поведение было как парик, который он носил.

Его личина ничего не скрывала. Ему больше не нужна была старая маска, но он ее не боялся, и для него было бы фальшью уничтожить фальшивую бороду. Это было бы все равно что спрятаться, а он не прятался. Он не прятался от Бога, он не прятался от себя. Он был весь на виду. Если бы его снова посадили в тюрьму, он был бы все равно счастлив. Он не обелился, он очистился. В нем было что-то очень странное, почти такое же странное, как гротескный танец смерти, в котором его протащили мертвым. Даже когда он, улыбаясь, прогуливался среди ульев, он был мертв в самом лучезарном и сияющем смысле слова. Он был недостижим для суждений этого мира.

Они смущенно помолчали, йотом Девайн сказал:

— И мы снова возвращаемся к тому, что пчелы и осы очень похожи.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

---

notes

1

См.: Лк. 23, 43.

Шекспир В. «Генрих V», акт I, сцена 2.